ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В «ПОЭМЕ ЛЮБВИ» КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Малкондуев Хамид Хашимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), malkanduev47@mail.ru

Статья посвящена выявлению особенностей фольклоризма в творчестве К.Ш. Кулиева. Проблема взаимосвязи мотивов и образов в устной и письменной традиции остается одной из актуальных в современной фольклористике и литературоведении. Современная балкарская литература, возникшая после Октябрьской революции 1917 г., в своем становлении опиралась главным образом на традиции фольклора. Важнейшие в формировании национального рассказа, поэмы, повести, а позднее и романа, структурно-композиционные и сюжетно-повествовательные элементы вбирали в себя не только фольклорные образные системы, но и традиционные художественно-образительные приемы. Особое внимание уделяется здесь монологу и диалогам между персонажами и атрибутами художественно-предметного мира, а также индизмисказательным художественным системам, легко вписывавшимся в поэтическую систему молодой литературы. Традиции карачаево-балкарского фольклора нашли свое место и в творчестве Кайсына Кулиева, что ясно прослеживается на примере его лиро-эпической «Поэмы любви», написанной им в 1950 г. Композицию произведения составляют три повествовательные части и десятки сюжетных элементов, где главное место отводится монологам – женскому и мужскому. На протяжении всего текста ясно прослеживается внутренняя позиция автора лирического характера, тревожащего о драматических событиях, которые могут произойти из-за взаимоотношений между влюбленными Азретом и Зуриат. Отмечается, что, взяв за основу поэмы фольклорные мотивы, К. Кулиев значительно обогатил ее образами указанных персонажей, придав им масштабный, художественно оформленный характер.

Ключевые слова: Кайсын Кулиев, поэма, трагедия, композиция, фольклоризм, образы, мотивы.

В 1950 г., находясь в депортации в Киргизии, К. Кулиев пишет «Сюймеклик поэмасы» – «Поэму любви»¹, которая состоит из трех частей и десятков сюжетных элементов. Покуда данный текст остается одним из наименее изученных произведений в его творчестве, постараемся дать ему всесторонний художественно-композиционный анализ.

В начале текста дается авторское пояснение: «*Бу поэмада таулу халкъ жырыладан хайырланганма*» – «В этой поэме я использовал мотивы балкарских народных песен», – что вполне соответствует его содержанию.

Во вступительной части поэмы, которая строится на авторском лирическом монологе, К. Кулиев вводит читателей в загадочный мир сложных повествовательных элементов, состоящих из десятков мотивообразующих эмоциональных сюжетных микросистем следующего содержания: поэт сообщает читателям, что в детстве, будучи восьмилетним мальчиком, он слышал трагические предания об Азрете и Зуриат, которые запомнились ему «словно любимая песня» на всю жизнь; несмотря на то, что герои, а вернее их реальные прототипы, давно покинули мир, их образы остались жить в народной памяти как примеры высокой духовности и чистоты. Они не просто испытали страдания любви, а были искренними в

чувствах и не мутили чистоту родниковой воды любви; автор склоняет голову над их могилами, которые «освещаются солнцем и луной». Как явствует из содержания, поэт щедро пользуется традиционными иносказательными формулами, весьма богато представленными в карачаево-балкарской народной поэзии, привнося в нее много своего, авторского. Судьба героев поэмы пробуждает в памяти поэта воспоминания о судьбах влюбленных из реальной жизни: как и в любой застывшей традиционной среде, у балкарцев испокон веков шла борьба между жестокими блюстителями отживших правил и вольнолюбивыми поборниками за свободу личности. Не находя иного пути, но не желая предавать свои сокровенные чувства, чтобы не дать растоптать свои мечты и человеческое достоинство, девушки-балкарки сбрасывались в бурные реки ущелий. Поэт вспоминает, как сам он был в детстве свидетелем того, как четыре девушки, не выдержав несправедливости в отношении к ним, когда решалась их судьба, бросились в реку. Автор считает, что они были не только отчаянно влюбленными, но по духу своему и настоящими поэтами (видимо, сочинившими трагические песни о своей любви). Не давая помутнеть роднику любви, они с отчаянной смелостью окунались в него, пишет поэт, потому что мужество и любовь – близнецы; поэт просит прощения у лирических героинь, если не сумел достойно воспеть их трагические судьбы, которые в пространстве и времени Вселенной многократно повторялись.

Вторая часть поэмы (*«Къызыны жырлары»* – «Песни девушки») состоит из десяти кратких, но проникновенных лирических монологов горянки Зуриат, всецело посвященных горячей любви к Азрету. Если в первой песне неоспорим индивидуальный кулиевский авторский стих, который по своей поэтической сущности не имеет аналогов в карачаево-балкарской культурной художественной словесности, то некоторые четверостишия во второй песне буквально контаминируются и повторяют строки популярных карачаево-балкарских народных песен о любви, что следует воспринимать как явление вполне допустимое для авторской поэзии 1950 г., когда в условиях депортации трудно было отличить авторский текст от народного, к чему и прибегал иногда выдающийся поэт, привнося в подобные тексты много своего индивидуального.

Третья песня несколько своеобразна в своем композиционном оформлении: в конце каждого четверостишия повторяются строки *«Ой, сенден ариу бармыды?»* – «Ой, разве есть красивее тебя?», *«Ой, сенден субай бармыды?»* – «Ой, разве есть стройнее тебя?», *«Ой, сенден батыр бармыды?»* – «Ой, разве есть смелее тебя?», *«Ой, сенден иги бармыды?»* – «Ой, разве есть (на свете) лучше тебя?», в которых устами влюбленной девушки в романтической форме воспеваются необыкновенные духовные и физические достоинства Азрета. Как видно из контекста, главная смысло-несущая и стиливая функция здесь отводится вопросам и повторам, которые удачно вписываются во внутренний монолог девушки, где в передаче образа Азрета эмоциональность играет основную роль в содержательной конструкции произведения.

Наиболее интересна и своеобразна в композиционно-стилевом плане следующая, четвертая, песня девушки, где, как это традиционно принято в карачаево-балкарских народных лирических песнях-ийнарах, главная роль отводится формулам невозможного, что следует оценить как знаковое явление в художественно-эстетическом формировании текста:

Чтобы став сгустком масла, так влипнула
Я в медную бляшку твоего ремня,
Чтобы ночью и днем снилась,
Я двум твоим красивым глазам!

Чтобы листом лекарственным я стала,
Если ты заболешь, вылечить,
Чтобы став звездой на небе, я сияла,
Чтобы по ночам ты смотрел.

Чтобы, став прохладным ветром, с гор подула,
 Когда ты летним днем будешь в пути,
 Чтобы, став мелким дождем, с неба я пролилась,
 Когда ты будешь мечтать о дожде.

Чтобы я превратилась в родник перед тобой,
 Когда в пути ты испытася жажду.
 Чтобы, став птицей, я прилетела (на помощь),
 Когда ты окажешься в беде!^{2*}

Позаимствовав из арсенала народной поэзии традиционную композиционно-структурную модель, К. Кулиев значительно дополняет ее новыми элементами художественной условности, формулы невозможного значительно обогащаются поэтическим мастерством, авторскими мыслями тогда еще молодого, но обладающего большим талантом поэта, постоянно обращавшегося к мотивам и образам караево-балкарской устной словесности.

Опорными смысловыми формулами в тексте являются лексемы *жаубёлек* – «сгусток масла», *белбау* – «ремень / пояс», *кёз* – «глаз», *чапыракъ* – «лист», *жудуз* – «звезда», *жел* – «ветер», *жаун* – «дождь», *шаудан* – «родник», *къанатлы* – «птица» и т.д., которые в сочетании с определительными формулами придают поэме чудесный фон поэтико-стилевых систем.

Замечательное исследование по некоторым языковым особенностям данной поэмы провели филологи КБГУ А.Т. Додуева и Т.М. Гергокаева³. Они в основном коснулись лингвистических проблем и авторской вербализации положительной оценки окружающей действительности, достойное внимание уделено и кодовым индикаторным системам в произведении. «Релевантно отметить неразрывную связь с категорией оценки и сравнения. Это обусловлено тем, что в основе ее лежит сравнение. Предикативная оценка предмета, события возникает тогда, когда они содержат знания, позволяющие соотносить их с представлениями говорящего о хорошем и плохом, нравственном и безнравственном, разумном и неразумном, что свидетельствует о мотивированности оценки... в «Поэме любви» К. Кулиева превалирует лексическая репрезентация оценки, в том числе и положительной. При этом наблюдается ее связь с другими категориальными понятиями. Для оценки присущ широкий спектр значений, реализуемых обычно посредством адъективных лексем», – приходят к выводу ученые, глубоко и вдумчиво изучив особенности языка данного произведения⁴.

Если основными смысловыми элементами в пятой девичьей песне являются обращение Зуриат к плывущим в небе облакам и журавлям и размышления о том, что они печально смотрят с высоты на землю, переживание как бы это не явилось предвестником чего-либо недоброго, то в следующих строках поэмы содержание внутреннего монолога девушки приобретает отчаянный, но решительный характер: ее хотят насильно выдать замуж за нелюбимого человека, а она, чтобы не допустить этого, готова идти на крайние меры:

Посадите на осла,
 Буду верна своей клятве, ой мама!
 Брошусь головой в омут,
 Но не смогу стать женой другому!

Даже ноготь Азрета я
 Не отдам за все земные богатства.
 Посадите на осла,
 Ой мама, буду верна своей клятве!⁵

* Здесь и далее подстрочный перевод мой – Х.М.

К. Кулиев здесь дает объяснение традиционному в прежние времена карачаево-балкарскому общинному обряду «Сажать на осла» следующим образом: «В прошлом балкарцев признанную общиной виновной женщину, посадив на осла, возили от одного конца села до другого. Это считалось очень большим позором. Это называли (в народе) «Эшек-атха миндириу» – «Сажать на осла»⁶.

Аморальным поступком было принято считать, если девушка до замужества имела интимную связь с мужчиной или женщина изменяла своему мужу. Следы материальной культуры, связанной с данным этнографическим обрядом по сей день сохранились в родном селении поэта Эль-Тюбю или Уллу Чегем. Так, на левом берегу речки Жылгы, что протекает посередине аула, находится огромного размера ритуальный камень «*Налат таиш*» – «Камень позора», куда в прошлом, по решению совета старейшин, привязывали мужчин, совершивших аморальный поступок, выходящий за пределы традиционного кодекса чести карачаево-балкарского народа «*Таулу адет*» – «Балкарского этикета».

Чтобы передать нравственную силу своей героини, ее устами поэт дает понять, что даже прибегнув в отношении к ней к самому позорному обряду (чего она не заслуживала), невозможно сломить Зуриат, т.к. она ставит мораль выше всякого рода устаревших, но живучих традиций, из-за которых девушки не могли распоряжаться своей судьбой при выборе спутника жизни.

Следующие строки монолога веют осуждением родителей и родни Зуриат, переживаниями о том, как бы они не учинили над ней насилие. Сюжетно-повествовательные микросхемы лиро-драматического характера буквально повторяют известные строки народных трагических песен, куда поэт вносит ряд авторских художественно-стилевых образов и иносказательных систем. Трогательны напевы, в которых Зуриат просит в случае ее смерти, если с Азретом повторится то же самое, чтобы его похоронили рядом с ней. В случае же насильственных действий над ней она готова броситься в волны реки Баксан поскольку вся ее физическая красота и самое бесценное богатство – сердце – принадлежат ему.

Однако, в данном монологе есть строки, которые по своей эмоциональной сущности не вполне соответствуют основной содержательной направленности текста. Читатель может засомневаться, пусть в условной, художественной, но искренней любви девушки в отношении человека, к которому она питает невероятно глубокие чувства. Речь идет о заимствованных из карачаево-балкарской народной лирики сюжетных элементах, где влюбленная девушка, напевая о своих безмерных страданиях по возлюбленному, готова его проклинать и желает ему мучительной смерти, если тот не ответит ей взаимностью и женится на другой.

На наш взгляд, подобные мысли коллективного эстетического сознания в данном случае не совсем подходят к профессиональной поэзии. Было бы целесообразнее опустить эти мотивы в поэме, хотя здесь и бесспорно внесение в нее автором некоторых поэтико-стилевых конструкций, обогащающих данный мотив новыми элементами. Это наводит на мысль о том, что в своем продолжительном формировании фольклор включал в свой репертуар самые разные образцы произведений, которые иногда могли носить не совсем корректный, а порой и не отвечающий народной словесной традиции характер.

В последней, десятой песне Зуриат предлагает Азрету, пока смерть их не разлучила, не настала зима и земля не покрылась белым снегом, покинуть аул и скрыться на коне ее отца далеко от этих мест, ибо им не будет покоя:

На земле много мест. Уедем.
Мы, пока смерть нас не разлучит,
Не расстанемся друг с другом.
Высшее счастье – это ты для меня!

Один день прожить вместе,
Чем сто лет жить в разлуке,
Лучше!

...

Пойдем, пойдем, покинем (аул), убежим,
Пока не настала зима, снег не пошел!..⁷

На этом завершаются «Песни девушки», в которых поэт, позаимствовав из фольклора образ горянки Зуриат как этнокультурный духовный компонент, обогатил его многими положительными женскими качествами, на наш взгляд, несколько оосовременив повествовательно-содержательную особенность данного произведения.

Раздел поэмы «*Жашны жырлары*» – «Песни юноши» состоит из десяти небольших фрагментов, где через монолог Азрета К. Кулиев передает свое видение образа молодого отважного горца, для которого любовные чувства являются святыми, и в отношении своей возлюбленной Зуриат он готов принять решительные действия, на которые в реальной жизни люди могли пойти довольно редко.

Песня Азрета начинается с воспевания Вселенной и земного мира, где живет Зуриат, которой он шлет привет через летящих в небе птиц. Поднимаясь высоко на скалы, он видит благородных зверей – косуль, кавказских туров, над собой в небе – парящих орлов, а вдали – свой аул, родной дом и саклю своей возлюбленной.

Далее лирические нотки в третьей песне охотника Азрета носят несколько романтический характер: видя в горах красавца-тура с огромными рогами, он не стреляет в него, т. к. накануне Зуриат дала ему слово, что любит его, и только за него она выйдет замуж. Свою безмерную радость по этому случаю, Азрет выражает следующей песней:

Дичь моя! Мирно паситесь, бродите,
Смотрите уверенно с высоты вниз.

Я вас не разлучу с любимыми,
Не заставлю плакать, погубив ваших любимых!

Сегодня не тот день, когда проливается кровь, дичь,
Сегодня радостный день во Вселенной, вершины!

Я в аул возвращаюсь без добычи,
Возвращаюсь к матери своей без добытого мяса.

Сегодня не день, когда кровь проливается, мать моя,
Сегодня в горах радостный день, мать моя!

Сегодня я самый богатый человек на свете,
Сегодня я не завидую ханам и князьям!

В лощинах вечерние туманы,
И они меня домой провожают.

Эй, теперь я не прежний Азрет,
Орел горный, взмахом крыльев благослови с неба меня!⁸

Как видно из контекста, поэт щедро пользуется таким приемом поэтики, как художественная условность. Обращаясь в своих эмоциях – радости – к живому и неживому миру: дичи, вершинам, родной матери и черному орлу, говоря, что по такому случаю он не прольет кровь зверей, и об этом должны знать горные вершины; матери он сообщает, что на этот раз, он вернется домой без добычи, а горного

орла просит с высоты своего полета благословить его брак с любимой Зуриат. Следует заметить, что эти мотивы являются сугубо авторскими, хотя в карачаево-балкарской народной поэзии художественная условность и является одним из существенных художественно-стилевых элементов поэтики.

Если пятая песня строится на диалоге Азрета с матерью, где она дает знать сыну, что родственники Зуриат предпринимают всякие меры, чтобы не допустить между ними брака, то в следующей песне дается гневный монолог Азрета, в котором он клянется седыми волосами матери, молоком, которым она вскормила его, своей старой саклей, кинжалом своего покойного отца, что, очевидно, следует характеризовать как архаический компонент: известно, что гунны поклонялись кинжалу и клялись им, когда заключали мирные договоры со своими соседями китайцами о ненападении⁹, чего они, конечно, не придерживались.

Трогательны строки, где охотник выражает свою готовность ни перед чем не останавливаться, чтобы не допустить насильственных действий против любимой:

Я не дам растоптать свою яркую звезду,
Золотокрылую свою никому не отдам,
Не позволю себя назвать безродным,
Не опорочу честь отцов!¹⁰

В этом четверостишии устами охотника поэту сполна удастся выразить его чувства и эмоции в отношении возлюбленной, где эпитеты *жарыкъ жулдуз* – «яркая звезда», *алтын къанатлым* – «золотокрылая» по своей содержательной особенностям весьма подходят к оксюмору.

В дальнейшем события в поэме развиваются таким образом, что перед охотником возникает внутренний конфликт: пойти во двор возлюбленной и отобрать ее у родственников, которые хотят выдать Зуриат за другого, нелюбимого ею человека, либо покинуть с ней эти земли и укрыться вдвоем в Грузии или в России, пока зима не настала и снег не накрыл землю своей белизной. В отчаянии Азрет рассуждает:

Если даже беда над нами, словно черкесский кинжал,
Блистая, будет так висеть,
Да не подчинимся, не испугаемся,
Какой бы буран нас не настиг в пути!¹¹

Словосочетание *черкес къама* – «черкесский кинжал», употребляясь с глаголом *жылытырап* – «блистая», иносказательно выражает в контексте понятие не этическое, этнографическое, а моральное, что никакие угрозы не помеха молодым влюбленным в желании быть вместе.

Подобные размышления возникают и относительно лексики *боран* – «буран», которая выражает в контексте не стихийное состояние погоды, а возможные препятствия, погоню и опасности на их пути.

Во внутреннем конфликте охотника о том, какие меры предпринять перед надвигающейся угрозой – физические или моральные, – он выбирает второе, и Азрет вместе с Зуриат темной ночью скрываются верхом на коне глубоко в ущелье, взяв путь в намеченном направлении.

Первая же строка последней песни начинается с оксюморона: *«Къарала къар таулары тубюнде»* – «Когда снег темнел под горами», тем самым выражая победу добра над злом, т. к. снег в художественном осмыслении традиционно выражает понятие добра и благополучия. В данном же контексте, конструкция *къарала къар* – «когда темнел снег» иносказательно подчеркивает, что с наступлением вечера снег принимает под горами облик темноты. Здесь же он тем самым сочувствует молодым влюбленным, пытающимся скрыться от враждебных людских глаз.

Поэма завершается авторским пожеланием, чтобы в жизни побеждало добро, и в особенности сбывались надежды молодых влюбленных, которым порой приходится испытать много сложностей на жизненном пути:

Поэтому и написал я поэму,
Пусть всегда побеждают влюбленные,
Пусть им на этом свете
Будет хорошо, словно в песне!¹²

Позаимствовав ряд мотивов из карачаево-балкарской народной лирики, Кайсын Кулиев мастерством своего пера значительно обогатил поэму десятками сюжетно-повествовательных элементов и художественно-стилевых конструкций, придав ей лирико-эпический характер.

Хотя в карачаево-балкарском фольклоре, где богато представлены образы Тахира и Зухры, Меджнуна и Лейли, Каншаубия и Гошаях, отсутствуют сказания об Азрете и Зуриат, что говорит об авторском, вымышленном возникновении этих персонажей, в реальной жизни в карачаево-балкарской этнической среде имело место множество фактов, когда взаимная любовь не одобрялась родственниками молодых людей, и это заканчивалось трагедией.

Карачаево-балкарский фольклор сохранил ряд песен и преданий, в которых драматические мотивы занимают основное место. Подобные тексты широко распространены также в карачаевской субэтнической среде, где богато представлена народная лирика.

Образ Зуриат мы бы охарактеризовали как новый в своей сущности в балкарской литературе женский персонаж, напоминающий образ Джамили в известной повести Чингиза Айтматова.

Написанная в 1950 г. поэма Кайсына Кулиева явилась одним из замечательных творений балкарской литературы, в содержании которой удачно сочетаются фольклорные и индивидуально-авторские мотивы и художественно-образные системы.

Следует упомянуть, что на мотив молодых влюбленных, покинувших родной аул, чтобы навеки соединить свою судьбу и скрыться в безопасном для них краю, поэт сперва посвятил написанное в 1950 г. в Киргизии небольшое стихотворение «Побег», очевидно, перешедшее со временем в лиро-эпическую «Поэму любви». Об этом говорит и содержание текста, где присутствует мотив следующего характера: молодые влюбленные вместе покидают отчие дома на быстром коне и скрываются в надежном месте от своих преследователей. Основным композиционным приемом в стихотворении является диалог между ними, который встречается в тексте девять раз, искусно передавая смыслонесущие конструкции: погоня за влюбленными; в отчаянии джигит готов на все во имя чести, даже на смерть; девушка в страхе, что вскоре их догонят, но надежда – это быстроногий вороной конь, который спасет их от беды.

Следующим образом звучит стихотворение «Побег», берущее начало из фольклорной сюжетной традиции на тему о любви, широко распространенной в устной поэтической словесности всего северокавказского региона:

– Любимая, сзади погоня, –
Крепче за бурку держись.
Догонят – я буду сражаться
За нашу любовь до конца.
Красавица, как я был счастлив,
Когда я похитил тебя.
Если жить нам вместе не дали –
Вместе хотя бы умрем.

– Рядом с тобой я жила бы
Даже на голой скале.

Хочешь – бросай меня в пропасть,
Хочешь – хоть к звездам вези!
Вот твое сердце – прижалась
Крепко к нему щекой,
Вот оно, вот оно, счастье,
Я уж познала его...

– Конь вороной – вот надежда,
Конь наше счастье спасет.

– Милый мой, слышишь ты голос –
Это мой брат позади.
– Тише, не бойся!
– Я слышу
Сзади дыханье коней.

– Тише, не бойся!
– Я слышу
Сзади оружия звон!
– Милая, конь быстроногий
Нас от погони спасет.
Я ему дам свое сердце,
Он полетит, как стрела.
Если жить нам вместе не дали –
Вместе хотя бы умрем...
Вот и родное ущелье –
Милая, мы спасены!¹³

В том же 1950 г. К. Кулиев пишет два стихотворения на фольклорный мотив «Сюйген кызы урланган жигит. Таурух» – «Джигит, у которого похитили любимую девушку. Легенда»¹⁴ и «Таурух» – «Легенда»¹⁵. Главным содержательно-повествовательным элементом в них является тема любви, носящей трагический характер.

Первый текст состоит из трех небольших лирической формы повествований – монолога джигита, у которого похитили невесту и полного печали парня. Каждый стих, в зависимости от того, от чьего имени повествуется, имеет свою содержательную особенность.

Большое по объему стихотворение «Легенда» опять-таки посвящается теме любви и трагедии. Речь в нем идет о том, как в одном из ущелий Балкарии в далекие времена против ее воли похитили молодую красавицу-Зариат и увезли в неведомые далекие края. Хотя в тексте значительное место отводится повествованиям романтического характера, основные сюжетобразующие мотивы в нем заимствованы из устного народного творчества.

Таким образом, 1950 г. был для К. Кулиева плодотворным в создании лирических песенно-стихотворных текстов на мотив любви и трагедии в симбиозе с устной культурной словесностью карачаево-балкарского народа, куда он привнес много индивидуально-авторского, значительно обогатив и расширив бродячие фольклорные сюжетно-повествовательные элементы, которые носили узкий субэтнический характер.

Примечания

1. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Т. IV. Стихотворения. 1980–1985. Поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 297–312.

2. Там же. С. 302.

3. Додуева А.Т., Гергокаева Т.М. Вербализация положительной оценки в «Поэме любви» Кайсына Кулиева // Художественный опыт Кайсына Кулиева в сохранении российской культурной идентичности: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Государственных премий РСФСР и СССР, лауреата Ленинской премии Кайсына Шуваевича Кулиева (1917–1985 гг.). 27–29 октября 2017 года. Нальчик: Принт Центр, 2017. С. 107–111.
4. Там же. С. 110.
5. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Т. IV. С. 303.
6. Там же.
7. Там же. С. 305.
8. Там же. С. 307.
9. Новгородова Э.М. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНВ // Тюркологический сборник 1977. М.: Наука, 1981. С. 218.
10. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 т. Т. IV. С. 309.
11. Там же. С. 311.
12. Там же. С. 312.
13. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 3 т. Т. I. Стихотворения. Поэмы (1935–1961). М.: Худож. лит., 1976. С. 282–283.
14. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2007. С. 217–218 (на балк. яз.).
15. Там же. С. 219–225.

«POEM OF LOVE» OF KAISYN KULIEV AND FOLKLORE MOTIVES IN IT

Malkonduev Hamid Hashimovich, Doctor of Philology, leading scientific worker of the sector of Karachay-Balkarian Folklore of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), malkanduev47@mail.ru

Article is devoted to revealing of features of folklore in K.Sh. Kuliev's work. The problem of interrelation of motives and images in oral and written tradition remains one of actual questions in modern folklore study and literary criticism. Balkarian literature has arisen after October revolution of 1917 and in the development leaned mainly on traditions of folklore. The major in formation of the national story, a poem, the story, and later and the novel, structurally-compositional and plot-narrative elements incorporated not only folklore figurative systems, but also skill of the artistic-visual systems. Particular attention is paid here to a monologue and dialogues between characters and the artistic-subject world, as well as to the allegoric art systems, easily entered into the young literature. Traditions of karachay-balkarian folklore have found their place also in Kaisyn Kuliev's work, that is clearly traced on the example of his lyric-epic «Poem of love », written by him in 1950. The composition of work consists of three narrative parts and tens of plot elements, where the main place is allocated to female and man's monologues. During the text is clearly traced the internal, having lyrical character position of the author, worried about the dramatic events, which can occur because of relationships between enamoured Azret and Zuriat. It is noted, that, taking for the basis of the poem the folklore motives, K. Kuliev significantly enriched it with images of specified characters, giving them a large-scale, artistically designed character.

Keywords: Kaisyn Kuliev, poem, tragedy, composition, folklorism, images, motives.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-130-138